

Политические партии: от традиционного облика к сетевой организации

Владимир ЕГОРОВ

Динамика современных общественных процессов настолько стремительно меняет облик окружающего мира, что ставит под сомнение адекватность, казалось бы, устоявшихся представлений.

В круг дефиниций, содержание которых претерпевает изменения, безусловно, входит и концепт привычного для всех института политических партий, добросовестно выполнявших в прошлом столетии роль посредника между обществом и властью и бывшим средством консолидации политических сил.

Разрыв между реальностью и её осмыслением в этом сюжете политологии настолько велик, что содержание вузовских учебных дисциплин, посвящённых партологии, скорее напоминает раздел политической истории, нежели анализ одного из аспектов политической практики.

Следует заметить, что в отличие от классических произведений М.Я. Острогорского и М. Вебера, укореживших в науке знание о партиях переходной эпохи к индустриальному обществу, периода её зрелого состояния, Р. Михельса и М. Дюверже, внёсших в науку видение первых признаков «старения» партий, современные политологи стоят в самом начале решения научной проблемы осмысления партийного постмодерна. При этом считают доминирующим направлением постмодернистского обществознания их качественное перерождение неоллиберализма англосаксонского образца, актуализировавшегося в связи с провозглашением Ф. Фукуямой «конца ис-

ЕГОРОВ Владимир Георгиевич – доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор, профессор РЭУ им. Г.В. Плеханова, заведующий кафедрой политологии и политического анализа РГСУ, профессор МГТУ им. Н.Э. Баумана. *E-mail*: korrka@mail.ru

Ключевые слова: партии, трансформация партий, партийный кокус, электронная демократия.

тории». В этом случае социальная перспектива и роль партий в демократии в освещении политической науки выглядит ещё более туманно.

С 50-х годов прошлого столетия наблюдается нисходящий тренд в развитии партий, настолько очевидный и устойчивый, что позволяет говорить об их качественном перерождении. Партийный постмодерн отрицательно сказывается на уровне социализации этого политического института.

Согласно данным, опубликованным «Евробарометром» накануне выборов в европарламент, 72% граждан ЕС не испытывали доверия к действующим политическим партиям, и только 22% респондентов высказались положительно¹.

Низкий показатель общественного доверия к европейским партиям стабильно держится приблизительно на таком уровне уже не менее полутора десятка последних лет. Антипартийные настроения широко распространены в посткоммунистических странах, в том числе России.

Согласно результатам телефонного опроса, 1600 респондентов опроса, организованного ВЦИОМ в 2021 г., одобряют деятельность политических партий только 34,7% россиян, 63% респондентов отметили отсутствие в стране интересующих их партий, а 46% указали на то, что партийные организации оторваны от нужд народа².

Согласно результатам другого социологического исследования, 57% респондентов всё же считают партии необходимым компонентом российского демократического процесса³, что неизбежно определяет постановку проблемы научной рефлексии.

Вопрос, который требует решения, заключается в выявлении факторов, ведущих к депривации института партий и обозначению возможных направлений их «реинкарнации».

Первые «мутации» политических партий заметил французский политолог М. Дюверже. Несмотря на то что в момент написания его работы «Политические партии» (первая половина XX в.) этот политический институт развивался по восходящему треку, уже проявлялись первые признаки его качественных изменений.

Рождённые эпохой острых социальных коллизий, политические орга-

низации постепенно адаптировались в реальность «мирного существования», функционируя в большей части не как средство классовой консолидации, а как инструмент представительства общественных интересов, механизм взаимодействия общества и власти, отчего их социальное значение пока не только не утрачивалось, но, напротив, укреплялось. «Облик сегодняшних парламентских партий

¹ EP Spring 2024 Survey: Use your vote – Countdown to the European elections – апрель 2024 // Eurobarometer survey // URL: <https://Europa.eu/Eurobarometer/surveys/detail/3272>

² Rpg7Uvj7LKAZ7jo%3D&name=social_institutions.xls&nosw=1 (Данные представлены на основании всероссийских телефонных опросов «Спутник». Предельная погрешность – 2,5% // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?url=ya-browser%3A%2F%2F4DT1uXEPPrJRXIUfoewruBXncXk7fH78hRWmcINzBLuoeVyPjxPkUcPO3VJqTVXfbQFISuhp9eG4G7Jyy6Eta2xvfNAXx23eteB3qnE-1_nc6JtK9-uRjIN2ilJYPShMX94CbVXXbyAHsKAJ7Zk1A%3D%3D%3Fsign%3DFPMpeHyyjqJPaso5gecFiExaoIWA).

³ Политические партии в России // URL: https://bd.fom.ru*report/cat/polypar/ddo62523

России актуализирует характеристику, данную таким организациям более чем полвека назад, – писал М. Дюверже. – Для последних завоевание мест в политических ассамблеях выступает основой жизни партии, оправданием её существования и высшей целью бытия»⁴.

Однако, занимаясь исключительно завоеванием мест в представительном органе, партии всё больше отдалялись от интересов рядовых членов и общества в целом.

Паллиативную возможность купировать десоциализацию партий В. Кей видел в присутствии в политическом пространстве «приводных ремней» – непарламентских партий второго плана»⁵.

Один из недостатков эволюции партий в избирательные машины, проявляющейся в появлении партийной бюрократии, «машины», состоящей из тех, «кто непрерывно ведёт работу внутри партийного предприятия»⁶, заметил ещё М. Вебер.

В артикуляции другого партолога, М.Я. Острогорского, такая «когорта профессионалов» получила определение кокуса.

Несмотря на то что мысли М.Я. Острогорского относительно института партий безусловно привязаны к конкретной исторической эпохе, отдельные их нюансы не по-

теряли значения для будущих партологов. В частности, он заметил, что партийный кокус, выступающий «от имени партии с видимостью права на это», «создавая иллюзию реальных сил», заставляет «признать самостоятельное существование»⁷. И даже сравнил кокус с «ценными бумагами без реальной ценности», но тем не менее имеющими покупательную стоимость в силу востребованности и доверия со стороны биржевых маклеров⁸.

Престиж, а следовательно, политический потенциал, конвертируемый партиями во властные притязания и материальный ресурс, зависят, помимо количества завоёванных депутатских мест, от наличия харизматического лидера, личные качества которого отчасти компенсируют убывающую социализацию. О «партийных боссах» «кадровых партий» М. Вебер писал, что таковые, «прибрав партию к своим рукам, обеспечивают её средствами»⁹.

Согласно данным ВЦИОМ, разрыв между общественным одобрением личности лидера КПРФ (36%) и рейтингом партии (10%) более чем в три раза, а у СРЗП более чем в семь раз.

Совпадение этих показателей у ДДПР и «Новых людей» говорит только о том, что их руководители пока не проявили своих персональных способностей, оценённых обществом¹⁰.

⁴ Дюверже М. Политические партии / пер. с фр. Л.А. Зиминной. 4-е изд. М.: Академический проект, 2007. С. 29.

⁵ Key V.O. Politics, parties and pressure groups. 5th ed. N.Y.: Thomas Y. Growell, 1964.

⁶ Вебер М. Политика как признание и профессия. Политические работы 1895–1919 гг. / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис. 2003. С. 644–707.

⁷ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. С. 91–122.

⁸ Там же.

⁹ Вебер М. Политика как признание и профессия. М.: Рипол-Классик, 2021. С. 199.

¹⁰ Партии раскупоривают выборные ресурсы под обратный отсчёт // Независимая газета. 2025. № 63(9228). 7 апреля.

По мнению М. Дюверже, актуализация понятий «кокус» и «партийная машина» была связана с утратой парламентскими партиями массового характера. Комментируя сюжет, связанный с бюрократизацией партийного аппарата, французский политолог отмечал обретение таковым функции распорядителя «транзитного ресурса», позволяющего инкорпорировать в парламент претендентов, не связанных с идеологическими предпочтениями, социальной или организационной общностью. В связи с обладанием таким ресурсом партийный аппарат приобретает власть, которая во многом носит неофициальный характер.

Формируется «теневая структура, которая в действительности и руководит партией, но по существу представляет собой предприятие для завоевание должностей, а также законных и незаконных привилегий, которыми она может обеспечить»¹¹.

Парламентские партии постепенно трансформировались в разновидность предпринимательской деятельности. Укрепление парламентского статуса, достижение общественно значимых целей отодвинулось на второй план, уступив место в ряду партийных приоритетов стремлению создать конкурентоспособный политический товар, производство которого предполагает «прибыльность самого предприятия».

Трансформация современных парламентских партий в качестве одной из доминирующих тенденций представлена рецессией масштабов

и значения первичного звена партийной системы. Роль сохраняющихся местных партийных организаций, по сути, сводится к банальному транслированию воли центра.

Исследовав организационные принципы партий, М. Дюверже вывел ряд формул, остающихся аксиоматичными не только для современной, но и для будущей партийной организации. Например, он видел слабость такой организации, где большую часть её руководящего состава занимают несменяемые функционеры – «члены по праву», которая «задумана, чтобы заглушить голос отдельного члена партии и отдать всю власть небольшим олигархическим группам», и, например, силу той, которая «выступает как организованная общность, все базовые элементы которой занимают определённое место, обусловленное их взаимным значением»¹².

Считая вертикальный тип интеграции партийного сообщества (в смысле интеллектуально и духовно развитой части общества от центра) к периферии уделом коммунистических партий, М. Дюверже утверждал, что необходимым условием укрепления партийной структуры является горизонтальное интеграционное направление от «базового элемента» к «базовому элементу»¹³.

Исследуя степень интеграции партии и общественных сил, Дюверже выделил «массовые» партии, появление которых связывал с классовой консолидацией трудящейся массы, и «кадровые», уходящие корнями в аристократические объединения,

¹¹ Дюверже М. Политические партии. С. 35-37.

¹² Там же. С. 196.

¹³ Там же. С. 42.

отстаивающие свои сословные привилегии в борьбе с зарождающейся буржуазией¹⁴.

Рассмотрев «кадровую» партийную систему, теряющую свою социальную перспективу, обрисовав её сущностные черты, М. Дюверже на самом деле представил ясную картину партийного феномена более чем актуального не только с точки зрения его всеобщности, но и с точки зрения изучения российского партогенеза.

В отличие от «массовых партий», основанных на организационной связи со своими членами, в том числе через систему партийных взносов, «кадровые партии», в представлении французского обществоведа, являлись «объединениями нотаблей». Цель таких партий сводилась к тому, чтобы «подготовить выборы, провести их и сохранить контакт с кандидатами».

В составе «кадровых партий» Дюверже выделял несколько категорий, которые обеспечивают их успех. «Прежде всего это нотабли влиятельные, — отмечал он, — чьи имена, престиж и харизма служат своего рода поручительством за кандидата и обеспечивают ему голоса; это, далее, нотабли технические, — те, кто владеет искусством манипулировать избирателями и организовывать кампанию; наконец, это нотабли финансовые — они составляют главный двигатель, мотор борьбы. И качества, которые здесь имеют значения прежде всего, — это степень престижа, виртуозность техники, размеры состояния»¹⁵.

Экстраполяция модуса «кадровой партии» на современную российскую политическую реальность мо-

жет стать основой концептуализации отечественного партогенеза. Парламентские партии нашей страны как нельзя лучше воспроизводят представления М. Дюверже о партиях такого типа.

Многие исследователи связывают падение рейтинга партий с изменением их места в системе взаимоотношений общества и власти и превращения в часть «государственного механизма».

Проблема идентификации современных партий, качественно отличающихся от своих «предков» XX в., остаётся открытой в отечественной и зарубежной литературе.

Своё видение сущности партийной трансформации предложили Р.С. Кац и П. Мэйр, введя в научный оборот понятия «картельных партий», характеризующиеся «взаимопроникновением партии и государства и тенденцией сговора между партиями». В их представлении, картельные партии являются акторами «демократии зрительного зала», а не реальной конкуренции, порождаемой представительством различных общественных интересов. Интегрируясь с государством и принимая единые «правила игры», предложенные им, если даже «не очень расположены к публичным соглашениям друг с другом», понимая, «что они находятся в одной лодке и полагаются на одни и те же ресурсы», партии закономерно становятся носителями «картелеподобного поведения»¹⁶.

Потеря партиями членской массы, утрата ими сети первичных ор-

¹⁴ Дюверже М. Политические партии. С. 96.

¹⁵ Там же. С. 58–59.

¹⁶ Кац Р.С., Мэйр П. Картельная партия: пересмотр концепции // Прогнозис. 2009. № 3–4. С. 169–194.

ганизаций, по мнению другого исследователя П. Игнаци, не аргумент в пользу предположения о постепенном сходе партий с исторической сцены, а лишь свидетельство их трансформации в новое качество. «Происшедшие изменения, – пишет П. Игнаци, – не повод для партий “оплакивать свою судьбу”». Дальнейшее развитие и рост социального значения он видит в том, что «партии усилили своё влияние благодаря развитию двух других своих “лиц” – руководства партии и прежде всего её членов в структурах государственной власти»¹⁷. Если даже принять не бесспорное утверждение о том, что указанные трансформации партийного строя можно считать доказательством роста их социального влияния, то всё же придётся признать, что выводы П. Игнаци относительно происшедших в партиях перемен говорят об их глубоком качественном перерождении. Одним словом, сегодня мы имеем дело с институтом, принципиально отличающимся от партий XX столетия своей морфологией, функциональными характеристиками и направлением социальной перспективы.

Сам П. Игнаци, осознавая прямую связь между социальной трансформацией и самочувствием партий, говорит о том, что резерв прочности, унаследованный ими от массовых партий XX в., исчерпан. «В действительности ещё не выработано никакого специфического типа партии, способного “схватить” нынешнюю эволюцию», – говорит он, имея в виду утрату партиями своей социальной и идеологической иден-

тичности. Вышедшие из лона индустриального общества и испытывающие «ослабление связи с гражданским обществом (если не сказать растущее пренебрежение и отвержение)» партии отреагировали «движением к более приемлемому» полюсу силы – государству. На этом основании политолог считает наиболее «подходящим лейблом для описания современного типа партии» «государство-центристскую партию»¹⁸.

Интегрированные с государством партии получают возможность распоряжаться большими ресурсами, в том числе «продвигая выгодные им законодательные нормы или оказывая влияние на кадровые назначения», а также финансируемыми государством расходами на выборы, доступом к СМИ и средствам коммуникации, помещением центрального офиса. По-прежнему основной ресурс, обладание которым приносит значительные дивиденды партиям, заключается в патронаже.

Несмотря на закономерный процесс утраты партиями представительской функции, «граждане в укоренившихся демократиях всё ещё почти единодушны в убеждении, что партии – необходимый инструмент демократической системы. Именно традиционная конструктивная оценка общественным сознанием роли партий в механизме демократии фундирует коммодификацию их общественной деятельности. Причём реальные инвестиции в партии предпринимательских структур вторичны по отношению к инвестициям государства (выраженных не только прямым финансированием,

¹⁷ Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. 2010. № 4. С. 53.

¹⁸ Там же. С. 54-57.

но и широким спектром властных предпочтений, вплоть до делегирования представителей партии в правительственные структуры), являющимся в данном случае маркером действительной «потребительской стоимости» партийных услуг.

Современное положение партий в обществе напоминает ситуацию с партийными кокусами, о которой говорил М.Я. Острогорский. Выдающийся партолог считал эти партийные образования «противополагавшими себя силам реальным живым». Позиционируя себя таким образом, как будто располагают поддержкой широких масс, кокусы приобретали вполне реальный политический вес, заставляли власть считаться с ними. «Создавая иллюзию реальных сил, – писал он, – условные силы действуют одинаково на сознание и волю; за ними соглашаются признать самостоятельное существование, их учитывают, с ними считаются, сообразуют своё поведение; таковы на финансовом рынке бумаги без реальной ценности, которые, будучи пущены в оборот, переходя из рук в руки и подвергаясь учёту, осуществляют все функции орудий обмена, по крайней мере, до ближайшей несостоятельности или первого краха»¹⁹.

Подмечая особенность функционирования кокусов, М.Я. Острогорский адекватно отражает положение современных партий, лишившихся действительной социальной опоры, но продолжающих олицетворять в общественном сознании необходимый институт демократии. Позитивный общественный настрой к

партиям заставляет носителей власти – государство и финансовую элиту – делегировать им долю властного статуса и материального ресурса. С другой стороны, это же обстоятельство (закрепление общественным сознанием за партиями статуса демократического института) создаёт возможность имитации демократического политического режима, используя партийную систему в качестве средства упрочнения собственной легитимности.

Важно отметить ещё одно положение концепции П. Игнаци, непосредственно относящееся к сказанному. По мнению итальянского политолога, «чем больше ресурсов затребовано, получено и распределено, тем меньше партия восстанавливает свой имидж организации, выражающей чьи-либо требования и интересы; её начинают воспринимать просто как *public utility* или как “раздатчика запасов”».

Таким образом, чем больше партия дистанцируется от гражданского общества и втягивается в политический бизнес селективной раздачи материальных и статусных привилегий, тем меньше оставляет возможности социальной регенерации. Очевидно, что, утрачивая способность «выражения множественных требований и воли людей», партия «утрачивает смысл существования»²⁰.

Результирующее мнение по поводу партийных трендов, разделяемое практически всеми западными политологами, выглядит следующим образом: «Текущая ситуация характеризуется усилением партийности в государстве и исчезновением пар-

¹⁹ Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. С. 107–108.

²⁰ Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эпоху. С. 62.

тийности в обществе. Партийные организации часто доминируют в государственных структурах, тогда как присутствие партии в обществе трансформировалось в профессиональную машину, контролирующую избирательные компании»²¹.

Большинство исследователей партий склонны считать наиболее перспективными направлениями научного поиска тенденции развития партийной системы, сформированные этим концептуальным представлением. Причём далеко не все партологи считают партийный постмодерн показателем убывания социальной перспективы этого института политической системы. Аргументом для оптимизма в такой позиции является заинтересованность государства в сохранении партийного механизма, имитирующего представительство общественных интересов. При этом по-прежнему большинство исследователей считают необходимым условием жизнедеятельности партий их поддержку обществом.

По мере того как «убывала социальная опора политических партий в лице классов и групп их питающих на протяжении полутравековой истории», политологи не прекращали попытки устранить (по крайней мере, на теоретическом уровне) это противоречие²².

Концепция «всеохватывающих партий» Отто Кирххаймера была

призвана восполнить образовавшийся зазор между партийной организацией и её социальной основой в виде определённых общностей, представив партии в виде брокеров, «призванных к посредничеству для заключения сделок между социальными группами и государством»²³.

Многим исследователям, стремившимся отыскать ключ актуализации новой социальной основы политических партий, представляется наиболее приемлемым путь, намеченный концепцией социально-политических размежеваний С. Липсета и С. Роккана, предпринявших успешную попытку «построить реалистическую модель формирования исторически заданных альтернатив, возникших в разных политических системах с разным уровнем социально-экономического развития, а затем использовать её для интерпретации партийных предпочтений»²⁴.

В отличие от марксистов, видевших лишь одну социально-классовую детерминанту политической дифференциации и партийной идентичности, концепция С. Липсета и С. Роккана значительно расширяла представление о социальных силах, генерирующих партийные и политические лояльности.

В представлении социологов, национальные и индустриальные революции актуализируют четыре главных противоречия, лежащих в основе социально-политических размежеваний:

²¹ Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эпоху. С. 98.

²² Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельманд. М.: ВШЭ, 2010. С. 74-93.

²³ Kirchheimer O. The transformation of Western European party systems // Political Parties and Political Development / Ed. by J. La Palombara, M. Weiner. Princeton: Princeton Univ. Press, 1966. P. 57-84.

²⁴ Липсет С., Роккан С. Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политические науки. 2004. № 4. С. 47-76.

– первая породила «две линии размежеваний: конфликт между культурой центра (строительства нации государства) и усиливающимися культурами провинций и периферий, имеющих свои этнические, лингвистические и религиозные особенности, а также конфликт между централизирующим, стандартизирующим и мобилизирующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви»;

– вторая – «конфликт между интересами земельных собственников и растущего класса промышленных предпринимателей, а также конфликт между собственниками и работодателями, с одной стороны, и рабочими и служащими – с другой»²⁵.

Научная продуктивность концепции С. Липсета и С. Роккана, многое проясняющая, в том числе в оценке событий, связанных с Великой российской революцией начала XX в., дала основание попыткам её использования в проблематике современной партологии.

Противником безусловной экстраполяции историческо-социальной системы Липсета – Роккана, например, на партийную систему посткоммунистических стран, стал Д.-Л. Сейле. В своей работе «Применимы ли размежевания Роккана к Центральной Европе?» он подчёркивает необходимость в каждой стране «искать специфические условия, которые направляют развитие системы конфликтов и размежеваний»²⁶.

Сторонник современного прочтения теории Липсета – Роккана Р. Далтон полагает, что размежевания «старой политики» по-прежнему остаются «основой партийного конфликта в большинстве развитых демократий». Однако наряду с прежними размежеваниями, питательной средой партогенеза, по Далтону, становятся новые социальные ценности, проецирующиеся в плоскость «новой политики». К таковым, по его мнению, относятся социальные конфликты по вопросу сохранения окружающей среды, права меньшинств, социального равенства и т. д.²⁷

Однако, казалось бы, найденный Далтоном рациональный путь интеграции общества и политических партий не выдерживает испытания политической практикой. Партии не справляются с задачей восстановления массовой социальной основы, несмотря на привлечение в свои ряды даже маргинальных групп населения.

Отыскать устойчивый источник роста «фундамента», опирающегося на широкую общественную силу, пока не удаётся ни одной представительнице «старого партийного бонда».

Более прагматичный путь поиска социальных ориентиров, обуславливающих партийную идентичность, предлагает Дж. Сартори, который считает, что повестку дня, актуализирующую круг общественных проблем, формируют политические элиты, таким образом, канализирующие институализацию разме-

²⁵ Липсет С., Роккан С. Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания.

²⁶ Сейле Д.-Л. Применимы ли размежевания Роккана к Центральной Европе? // Политическая наука. 2004. № 4. С. 115-144.

²⁷ Далтон Р. Структура политических связей // Политическая наука. 2004. № 4. С. 77-87.

жеваний, в том числе на уровне партийной системы²⁸.

Другое важное положение партологии Липсета – Роккона об «отвердении» европейских партийных систем, согласно которому «рынок партийных систем, как и любой рынок, подчинённый относительно немногим ограничениям («анархия»?), но хорошо регулируемый законодательно (в терминах оформления прав/договоров и последствий результатов выборов), характеризуется чёткими встроенными механизмами стабилизации». Это нашло продолжение в утверждениях современных политологов о том, что «не связь между социальными расколами и партийными предпочтениями индивидов», а наличие зрелого механизма демократии определяет флуктуации партийных систем и при наличии некоторых колебаний динамических трендов обеспечивает их стабильность²⁹.

Наиболее конструктивно выглядит теоретическая схема, в которой в качестве трёх равнозначных факторов, определяющих конфигурацию партийного ландшафта, рассматриваются «участники, институты и социальная структура». Элиты избирают стратегию, укладывающуюся в существующие ин-

ституциональные возможности, а социальная структура накладывает объективные ограничения на их способность выразить политическими средствами линии «разломов». Попытку эмпирической аргументации этой теоретической схемы наиболее последовательно реализовал П. Мэйр³⁰.

Однако большинство представителей современной партологии не видят оснований экстраполировать «знаменитую модель Липсета и Роккона о стабильных или «отвердевших» партийных системах» на анализ партийного «постмодерна»³¹.

Одно из направлений поиска преодоления разрыва между партиями и обществом привело Ф. Шмиттера к предложению заменить государственное финансирование политических партий механизмом, вытекающим из принципа прямой демократии. По его мнению, партии должны финансироваться за счёт средств, вычитаемых из суммы ежегодных налогов каждого налогоплательщика и направляемых на счёт партии, выбранной самим гражданином³².

Однако такое предложение, способствующее повышению конкуренции партий за средства, вряд ли су-

²⁸ Sartori G. The Sociology of Parties: a Critical Review // The West European party system / Ed. by P. Mair. Oxford, 1990.

²⁹ Ларсен С.У. Теория отвердения. Стабильность партийных систем в демократических государствах // Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / пер. с англ. Е.А. Жуковой. М.: РОССПЭН, 2009. С. 7-59, 62, 65.

³⁰ Mair P. Party System Change: approaches and interpretations. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press, 1997.

³¹ Lane J.-E., Martikainen T., Svensson P. [et al.]. Scandinavian exceptionalism reconsidered // Journal of Theoretical Politics. 1993. Vol. 5. № 2. P. 226-227.

³² Schmitter P.C. «A Sketch of What a «Post-Liberal» Democracy Might Look Like». Florence: European University Institute, unpublished manuscript, 2002; Brouwer I. Conceptualizing, researching and evaluating. Democracy promotion and protection. Working Paper. Florence: European University Institute, 1999.

щественно повлияет на процесс социализации. Кроме того, ход событий, подсказанный логикой П. Шмиттера, значительно ускорит коммодификацию партийного ландшафта, и «партийный рынок» получит свою качественную завершенность. Отношения партий и электората окончательно приобретут все необходимые атрибуты для «нормального» товарно-денежного оборота с необходимым менеджерским и маркетинговым сопровождением.

Новое институциональное качество партий обусловило набор адекватных закономерностей их развития. Принципы, вытекающие из политической и идеологической идентичности, определяющие повестку партийных стратегий, трансформируются в технологические процедуры, подчинённые борьбе за электорат. Одной из закономерностей, связанной с местом партий в избирательном процессе, является теорема медианного избирателя, инкорпорируемая в политическую теорию А. Доунсом. Согласно этой теории, противоборствующие партии, подталкиваемые крайними общественными силами своего политического полюса, неизбежно сближаются, пренебрегая идеологическими противоречиями. Поскольку сближение партий происходит синхронно с обеих сторон, то оба его актора становятся «более умеренными и менее крайними в своей политике». Продолжающаяся дискуссия в политической науке, сопровождаемая эмпирическими исследованиями, направлена на преодоление одномерности в оценке векторов пар-

тийной динамики, намеченных концепцией А. Доунса³³.

Своё видение партийной системы постмодерна предложил английский политолог К. Крауч. Его концепция политических партий развёрнута внутри общей концепции постдемократии, суть которой, если выразаться кратко, заключается в авторском предположении, что к концу 90-х годов прошлого столетия в большинстве промышленно развитых стран реальная политика из публичной сферы переместилась «в ведение» узкой корпорации финансовой олигархии, подчинившей своим интересам властные структуры. За кулисами «электоральной игры разворачивается непубличная реальная политика», реальными режиссёрами которой являются элиты, «представленные преимущественно деловыми кругами»³⁴.

Политические партии, по К. Краучу, не укоренившиеся в постдемократической социальной реальности (профессиональные группы постиндустриального общества, в отличие от социальных классов XX в., так и не смогли создать «собственных автономных организаций»), превратились в средство реализации политических амбиций предпринимательских верхов.

В связи с изменившимся положением партий их традиционная конфигурация в виде расходящихся от ядра концентрических кругов (активисты, члены партий и электорат) претерпевает трансформацию: «центральное ядро, прежде являвшееся внутренним кругом партии, растягивается, превращаясь в эллипс» за счёт

³³ Downs A. An Economic Theory of Democracy. N.Y., 1957. P. 116-117, 147-197.

³⁴ Крауч К. Постдемократия. С. 19.

замещения традиционного руководства партий пересекающимися сетями советников, консультантов и лоббистов, представляющими интересы корпораций, «ищущих расположения у правительства».

Таким образом, пополнившееся за счёт советников, считающих «продажу своего политического влияния важнейшим и абсолютно легитимным аспектом своего участия в политической жизни», ядро партии растянулось по «силовой линии», соединяющей правительство и корпорации. Так партии превратились в удобный инструмент влияния бизнес-элит на правительство, властные функции которого «не могут быть полностью приватизированы» даже с точки зрения нормативной демократии³⁵.

Уже сегодня, по мнению К. Крауча, можно видеть результат последовательно воплощённой в жизнь социальной перспективы партий постмодерна, постепенно «приватизируемых» капиталом на примере партии «Вперёд, Италия!». По сути, говорит он, «это компания или сеть компаний, а не организация типа классической партии; она не возникла для озвучивания интересов какой-либо социальной группы, а была целенаправленно сконструирована представителями существующей политической и финансовой элиты».

Вполне актуально для определения стратегии современных левых партий, утративших опору в рабочей среде, выглядит указание К. Крауча о том, что, «поскольку их члены и электоральное ядро значи-

тельно сильнее удалены от элиты, чем в правополитических партиях», обращение к «советникам» и «экспертам» стало для социал-демократических и социалистических партий единственным способом выжить, поэтому «эллиптический характер» партийного ядра в них выглядит особенно отчётливо³⁶.

В определении будущей партийной идентичности западные политологи исходят из отрицания того, что «партии – по крайней мере, в мейнстриме – найдут какое-то глубокое проблемное размежевание или новую основу для поляризации политики»³⁷.

В свете событий новейшей истории такое предположение выглядит более чем смело. Протестная волна, прокатившаяся по всем развитым странам мира и продолжающая набирать силу, носит ярко выраженный политический характер. Требования населения не сокращать бюджетные расходы составляют лишь одну, не самую главную сторону акций, другая, главная сторона вопроса, прямо нацелена на системную неустойчивость общежития.

Например, демонстранты из всех западных стран, приурочившие свое выступление к 42-му Давосскому форуму, что символично, обсуждавшему проблему адекватности современного капитализма вызовам XXI в., определённо указывали в качестве причины своего недовольства увеличивающуюся пропасть в экономических, социальных, политических правах бедных и богатых.

Мировой финансовый кризис обнажил системные противоречия со-

³⁵ Крауч К. Постдемократия. С. 96-97.

³⁶ Там же. С. 97, 99.

³⁷ Кац Р.С., Мэйр П. Картельная партия: возвращение к тезису. С. 96.

временного капитализма, безусловно, способные поляризовать политический ландшафт и генерировать необходимые условия для «реинкарнации» новых массовых партий, которые, в свою очередь, поменяют конфигурацию партийной системы постмодерна.

Такой исход событий вполне вероятен в свете сохраняющегося в общественном сознании «рационального мифа» о конструктивной роли партий в демократии. Другое дело, что ныне существующие партии, органично встроенные в социальную среду, породившую системные противоречия, должны будут или сойти с исторической сцены, или пережить качественную трансформацию, так же как и вся современная система представительства и «постдемократии».

Новым явлением в развитии мировой партийной системы, отражающим кризис традиционных партий, стало появление «нишевых» организаций, предпочитающих строить свою стратегию, ориентируясь на «узкие сегменты электората»³⁸. Очевидно, что такие партии – это показатель попытки партийного истеблишмента оживить их деятельность за счёт ло-

кальной повестки, в большей степени отвечающей запросам местных или этнокультурных сообществ³⁹.

Информационно-коммуникационная революция стала технологическим основанием качественных изменений, направленных на расширение политического участия, в целом обозначив контуры регенерации (после греческих полисов, древнерусского вечевого устройства⁴⁰ и паллиативов европейских общественных практик⁴¹) прямой демократии в широком социальном контексте. В теорию политологии в этой связи активно входит понятие «**электронная демократия**» как совокупности институтов и практик непосредственной демократии. При этом «речь идёт об осуществлении прямого народовластия с помощью электронных технических средств, виртуального пространства»⁴².

Новая парадигма общественного развития обусловила необходимость формирования качественно отличающихся от традиционных способов социально-политической консолидации. Такая метаморфоза в первую очередь относится к партийному функциональному пространству. По крайней мере, половина граждан

³⁸ Осолков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. К вопросу о дискурсивных параметрах типологизации политических партий // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 5. С. 60.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Егоров В.Г. Российский исторический процесс в домосковский период и социально-политическая реальность // Преподавание истории в школе. 2018. № 8. С. 23–31.

⁴¹ Швейцария объявляет о пяти новых вопросах референдума // Новости Швейцарии на английском языке The Local (пер. с швейц.) // URL: <https://www.thelocal.ch/20210304/switzerland-announces-five-new-referendum-questions/>; Даты голосования на следующие 20 лет (пер. с швейц.) // URL: https://www.bk.admin.ch/ch/f/pore/va/vab_1_3_3_1/html; Предстоящие голосования (пер. с швейц.) // URL: <https://www.Sta.be.ch/fr/start/themen/wahlen-und-abstimmungen/abstimmungen/naechste-abstimmungen.html>; Если демократия, то прямая и электронная // URL: https://pikabu.ru/story/esli_demokratiya_to_pryamaya_i_elektronnaya_

⁴² Комаров В.В. Двустороннее взаимодействие граждан и органов публичной власти: цифровые права и цифровые возможности // Журнал Белорусского государственного университета. 2023. № 2. С. 12.

России (прежде всего молодого возраста) предпочитают сетевые формы общественной интеграции⁴³.

Имея в виду перспективу развития отечественной партийной системы, очевидна стратегия развития политических партий, ориентированная на инкорпорирование в сетевое пространство, способная, в случае успеха, вернуть им массовый характер и возможность восстановления прежних социальных функций «механизма» взаимодействия власти и общества.

Аккомодация партий в новой сетевой социально-политической реальности влечёт за собой, помимо указанного, другой аспект их эволюции. Социализация современных

«электоральных машин» актуализирует проблему обретения их обновлённой архитектурой, качества, позволяющего привлекать к активной политике большие массивы граждан, что, в свою очередь, по мнению Я. Баджа, требует радикальных изменений партийной организации: от иерархической к сетевой, позволяющей обеспечить их органическую включённость в контекст интересов социальных общностей⁴⁴.

Сетевая организационная структура способна обеспечить мощный импульс расширения неформального политического влияния партий и «переиздания» их идеологической и социально ориентированной идентичности.

Несмотря на имеющийся потенциал развития политических партий, их общественная перспектива неочевидна. И не только потому, что будущность этого политического института во многом зависит от функционеров, которые направляют деятельность партийного «кластера». В основе декларируемой неопределённости перспективы исторического бытия партий лежат вполне объективные преграды, главными из которых является нарастающая сложность социумов, в значительной степени препятствующая агрегированию консолидирующих политических паттернов.

Кроме того, открывающаяся по мере продвижения информационно-коммуникационной революции возможность регенерации прямой демократии неизбежно продуцирует альтернативные партиям каналы социальной солидарности, отличные от формализованных партийных направлений интеграции граждан, что также осложняет их восприятие в будущей конфигурации политического пространства.

Однако, по крайней мере в среднесрочной перспективе, политические партии могут и должны сыграть конструктивную роль в структурировании политических предпочтений граждан.

⁴³ Новостная информация и телевидение. Источники новостной информации: доверие и предпочтения россиян // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14984>; Блогерство: отношение россиян к блогерам // URL: <https://fom.ru/SMI-i-internet/14926>; Лубянкина Е.С. Основные платформы политической коммуникации в интернет-пространстве // Материалы XI Всероссийской научно-практической интернет-конференции «Региональная журналистика: от истории к современности», ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина», 2022 // URL: <https://tsutmb.ru/nauka/internet-k>

⁴⁴ Budge I. A Unified Introduction to How Democracy Works. N.Y., 2019 // URL: <https://www.Routledge.com/Politics-A-Unified-Introduction-to-How-Democracy>

Библиография • References

- Вебер М. Политика как признание и профессия. М.: Рипол-Классик. 2021. – 292 с.
- Вебер М. Политика как признание и профессия. Политические работы 1895–1919 гг. / пер. с нем. Б.М. Скуратова. М.: Праксис. 2003. – 424 с.
- Далтон Р. Структура политических связей // Политическая наука. 2004. № 4. С. 77–87.
- Доверже М. Политические партии / пер. с фр. Л.А. Зиминной. 4-е изд. М.: Академический проект, 2007. – 538 с.
- Егоров В.Г. Российский исторический процесс в домосковский период и социально-политическая реальность // Преподавание истории в школе. 2018. № 8. С. 23–31.
- Игнаци П. Партии и демократия в постиндустриальную эру // Политическая наука. 2010. № 4. С. 28–76.
- Кац Р.С., Мэйр П. Картельная партия: пересмотр концепции. Прогнозис. 2009. № 3–4. С. 169–194.
- Комаров В.В. Двустороннее взаимодействие граждан и органов публичной власти: цифровые права и цифровые возможности // Журнал Белорусского государственного университета. 2023. № 2. С. 10–20.
- Крауч К. Постдемократия / пер. с англ. Н.В. Эдельманд. М. ВШЭ, 2010. С. 74–93.
- Ларсен С.У. Теория отвердения. Стабильность партийных систем в демократических государствах // Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза / пер. с англ. Е.А. Жуковой. М.: РОССПЭН, 2009. – 751 с.
- Липсет С., Роккан С. Структура размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политические науки. 2004. № 4. С. 47–76.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. К вопросу о дискурсивных параметрах типологизации политических партий // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Том 67. № 5. С. 57–68.
- Острогорский М.Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН. 1997. – 640 с.
- Сейле Д.-Л. Применимы размежевания Роккана к Центральной Европе? // Политическая наука. 2004. № 4. С. 115–144.
- Budge I. A Unified Introduction to How Democracy Works. N.Y., 2019 // URL: <https://www.Routledge.com/Politics-A-Unified-Introduction-to-How-Democracy>
- Downs A. An Economic Theory of Democracy. – New York, 1957. – 310 p.
- Key V.O. Politics, parties and pressure groups. 5th ed. N.Y.: Thomas Y. Growell, 1964. – 738 p.
- Kirchheimer O. The transformation of Western European party systems // Political Parties and Political Development / Ed. by J. La Palombr, M. Weiner. Princeton: Princeton Univ. Press, 1966. P. 57–84.
- Lane J.-E., Martikainen T., Svensson P. [et al.]. Scandinavian exceptionalism reconsidered // Journal of Theoretical Politics. 1993. Vol. 5. № 2. P. 195–230.
- Mair P. Party System Change. Approaches and Interpretations. Oxford: Clarendon Press; N.Y.: Oxford University Press, 1997. – 244 p.
- Sartori G. The Sociology of Parties: a Critical Review // The West European party system / Ed. by Mair P. Oxford, 1990.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2025 г.

Статья принята к публикации 14 декабря 2025 г.